

Отдел газетных вырезок

Мосгорсправка НКС

Улша Кирова, 26-б

Тел. 96-69

Вырезка из газеты

Вечерняя Москва

Москва

№ 4

Газета №

3-мая 1936

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ДНЕВНИК

М. ЗАГОРСКИЙ

1.

ТЕАТРАЛЬНАЯ молва уже распространила повсюду радостное известие о новом удивительном Хлынове, показанном в спектакле «Горячее сердце» театром Ленсовета. После замечательного Хлынова-Москвина на сцене МХТ-1 не верилось, что молодой районный театр сумеет сказать здесь что-либо новое и оригинальное.

И что же? Не только Плотников в роли Хлынова, но и весь спектакль в целом дает такого Островского, которого мы до сих пор не знали. Вспоминаются вещи слова Гоголя в письме к Шенкину: «Переберите-ка в памяти вашей старый репертуар, да взгляните свежими и выжженными глазами... Театр взглянул на эту старую пьесу Островского «выжженными глазами» и увидел в ней зияющую бездну: самодурства, глумления над человеком, хищничества и порабощения. Вот откуда «химический» стиль всего спектакля, вот почему здесь «быт» провинциальной царской Руси выглядит страшным кошмаром,

вот отчего здесь уже не градоначальник Градобов и подрядчик Хлынов, а вся «градобовщина» и «хлыновщина» во всей их омерзительной наготе.

Хлынова играет Плотников не так «округло», комедийно и непосредственно, как Москвин, но зато с таким острым и глубоким ощущением распада психики в атмосфере прощала и пресмыкательства перед «миллионом», что порой этот Хлынов выглядит тоскующим зверем, прыгающим собственными цепями на золота. Это уже не «загулявший купчик», не самодур, от чего делать нямывающийся над людьми, а само хамство, невежество, безкультурье, обезьянвшееся награбленными миллионами и сходящее с ума от пустоты и ничтожества. И в том, что Плотников сумел, не нарушая ни в чем авторского текста, дать нам такого Хлынова, — несомненная победа не только его, но и всего театра с его художественным руководителем и постановщиком этого спектакля К. А. Зубовым.

На месте театра Ленсовета была когда-то «антреприза Струйского» со всеми «прелестями» захудалого театра («бедных»... И прав, прав, тысячу раз прав Максим Горький — мы и сами не знаем, как чудесно, удивительно, сказочно выросли мы за эти годы».

2.

В клубе мастеров искусства пришлось увидеть старинный водевиль Петра Каратыгина «Жена и зонтик или расстроенный настройщик» в исполнении молодых артистов Театра революции.

Слабый спектакль. Нет диалога, нет куплета, нет той, некрометной веселости, без которой не может быть водевили.

Наши молодые актеры почти во всех московских театрах сейчас небросились на старые водевили, как на удобный «материал» для «высездов» или вернее «набегов» на клубные площадки. Однако водевиль — вещь коварная и обоюдоострая. Слышать его иногда труднее, чем большую пьесу. Почти все наши старинные водевили — переводы и переделки с французского. «Жена и зонтик» на афише значится за Каратыгиным, а принадлежит перу Лоренсона. Играть его надо «по-французски», с той грацией, легкостью, беззаботностью и уверенностью в вероятность всего невероятного, с какой писал их такой мастер, как Скриб. У нас же водевили играют «с думой высокой на челе», с «тоской во взоре», с меланхолической Гамлетью и поступью Ромео. Рабочие клубы такого «водевиля» не принимают. И совершенно правы.

Пора подумать и о советском водевиле.

3.

Разночленную оценку встречает спектакль театра-студии Симонина «Всегда в пять». Что может, кроме тоски и скуки, побудить этот английский переложивший «Трех сестер» Чехова, — говорят одни, не замечая, что самый факт выражения английской драматургии «чеховскими настроениями» крайне любопытен и важен. Парافразы и вариации — явление совершенно забв-

ное на театре, начиная с гениальных вариаций Шекспира и кончая замечательной парافразой Пушкина, бросившего вызов в своем «Каменином госте» сразу трем авторам — Тирсо де Молина, Мольеру и аббату да-Поинте, давным текет к музыке Моцарта.

Да, Коммерсет Морам очень усердно читал Чехова, но в его истории трех сестер — вся послепосная Англия, с крушением всех моральных и семейных устоев, с разложением сердца, чувств и мыслей. Это вполне оригинальный пьеса, очень тонко тушированная кое-где Г. Вечерой, написана с тем мужеством отчаяния, которому уже ничего терять. В этом ее несомненный интерес для советского театра.

И кроме того в ней есть что играть, в ней каждый персонаж — это роль, образ, биография. Такая пьеса — радость для актеров. Вот почему этот спектакль так тонко сыгран, вот почему в нем такой «ансамбль», такая культура слова, движения, паузы и реплики. Для актеров театра — Петнер, Габович, Мурзавой, Волковой, Теплых, Тобиш, Булатовой и др. — это прекрасная школа игры, и они выжили из этого спектакля лишь обогащенными. Это передается за рампу, это чувствуется зрителем...

Единственное замечание, которое хочется сделать постановщику спектакля А. Лобанову, — это несколько ускорить темп. Диалог часто слишком замедлен, слово подчас лениво проходит свой путь к партнеру. Даже наш собственный Чехов уже не играет теперь в таком темпе. Тем более — английский.